

Т. С. Вершинина, М. Ю. Илюшкина  
Екатеринбург, Россия

# ВЛИЯНИЕ МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА НА ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ МОДЕЛИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО НАСТРОЯ

**АННОТАЦИЯ.** В статье на примере российского и американского военного медиадискурса рубежа XX—XXI вв. рассматриваются основные представления о военно-патриотической модели поведения в условиях военных действий. Цель статьи заключается в выявлении подходов к формированию военно-патриотической модели, выраженной речевыми и визуальными средствами военного медиадискурса. Сопоставление речи и поведения в военных действиях персонажей американского и российского медийного дискурса, посвященного «длительным» войнам второй половины XX в., включенного в социокультурный контекст разных периодов создания элементов данного дискурса, позволяет дать психолого-лингвистическое обоснование структуры и восприятия таких моделей и описать их роль в формировании отношения к событиям и героям описываемых действий и моделей поведения адресата (индивида). Результаты исследования демонстрируют эффективность подходов, позволяющих художественными средствами дискурса на основе выверенного отбора языковых средств воздействовать на представления адресата о роли личности в войне, ее типической этнокультурной структуре, формах проявления патриотизма; выявленные в ходе исследования подходы, основанные на методах исторического, сравнительно-сопоставительного, интертекстуального и трансформационного анализа, могут быть применены не только в лингвистических, политических или социологических исследованиях, но также в качестве шаблонов для создания стимульного материала в работе практических психологов, в тренингах при подготовке специалистов экстремальных профессий, могут быть полезны, при критическом осмыслении, специалистам, работающим в сфере воспитания молодежи. Описанные в статье военно-патриотические модели сохраняют актуальность, а выявленные аспекты их формирования и функционирования объясняют особенности такого рода методов речевого и визуализированного воздействия на адресата в контексте его государственной идентичности.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** медийный дискурс; патриотизм; военно-патриотическая модель; русский язык; восприятие; символ; исторический анализ; сравнительно-сопоставительный анализ; интертекстуальный анализ; трансформационный анализ.

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:** Вершинина Татьяна Станиславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, Институт социальных и политических наук, Уральский федеральный университет; 620083, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 53; e-mail: wtatiana@mail.ru.

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:** Илюшкина Мария Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, Институт социальных и политических наук, Уральский федеральный университет; 620083, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 53; e-mail: ilyushkina\_maria@mail.ru.

В юбилейный год победы во Второй мировой войне мы наблюдаем новый подъем сил, чьи цели направлены на возрождение националистических идей. Мир раскололся на тех, кто всеми силами пытается сохранить память о жестокости войны, жертвах, принесенных во имя спасения человечества от коричневой чумы, и тех, кто стремится представить захватнические, человеконенавистнические намерения националистов как освободительное движение от советских идеалов, подменяя тем самым саму суть борьбы народов в годы Второй мировой войны. Так, например, в Германии люди, пережившие войну, восстанавливают в некоторых городах памятники советским героям, погибшим за их освобождение, и в то же время в других городах Германии и даже на территории бывшего Советского Союза можно наблюдать стремление возвеличить «подвиги» тех, кто стрелял в спины борцам за освобождение Европы от гитлеризма. В такие периоды особенно остро встает вопрос выбора форм и способов формирова-

ния военно-патриотической модели, обеспечивающей такое понимание минувших и текущих событий истории, при котором невозможно возрождение направленной на разжигание новых войн политики.

Социокультурные условия диктуют обращение к памяти, определяют формы и способы создания установок, способствующих пониманию отрицательных последствий любых войн. В основе таких установок должна лежать не только героизация поведения участников военных действий, но и разъяснение, истолкование жестокости, губительности войны. Например, в общественном сознании XIX в. и во время Первой мировой войны, названной современниками «Великой», «Священной» и даже «Второй Отечественной», слово «герой» распространено, как правило, в значении «герой на поле брани». Это офицеры и солдаты, отдававшие жизни за веру, царя и Отечество, преданные идеалам служения и верности Родине, для кого понятие чести вообще и офицерской не было пустым звуком, являв-

шиеся образцами патриотизма. Мы и сегодня говорим об их патриотизме, подвигах, ставших символами преданности России, не обращая внимания на политическую грань между «белыми» и «красными» (Кузьма Крючков, И. В. Мельников, П. Н. Нестеров, А. Н. Бахтин, П. Н. Врангель и др.).

К началу Второй мировой войны, пришедшей в нашу страну в июне 1941 г. и ставшей Великой Отечественной войной для советских граждан, государственная пропаганда еще не обладала достаточным набором примеров военно-патриотического поведения еще и потому, что отказалась от упоминания имен участников Первой мировой войны. В первые месяцы войны были заложены основы дискурса, направленного на воздействие, когда использовались различные художественные средства, в том числе кинофильмы. Все средства воздействия, использовавшиеся во время войны, базировавшиеся на довоенном дискурсе гордости за новое государство, объединяли людей в борьбе против захватчиков, угрожавших свободе, стране, их будущему.

Технология нарративов, разработанная в годы Великой Отечественной войны, получила впоследствии широкое распространение и имела далеко идущие последствия. Модели военно-патриотического поведения (вопрос о формировании модели патриотического поведения в военном дискурсе обсуждался в одной из наших работ [Вершинина, Илюшкина 2015]), внедренные в сознание нескольких поколений советских граждан, систематически повторяемые уже и после войны, повлияли на действия военнослужащих, стоившие неоправданных потерь личного состава в локальных войнах (Венгрия, Чехословакия, Афганистан) и боевых операциях на территории страны (Чечня), что можно рассматривать и как действие механизма психологической защиты, позволяющего избежать состояния паники, отчаяния, страха, горя, вины, бессонницы, справиться с физическим напряжением и беспокойством, тягостными воспоминаниями и зрелищами разрушения и смерти. Такая трактовка характерна для исследований военных психологов.

Сравнивая военный дискурс времен Второй мировой войны, когда провозглашался ее «священный» характер, и современные подходы к изложению событий тех лет, можно заметить двоякое отношение к смыслу военных действий на территории стран, долгое время участвовавших в военных действиях. В качестве примера можно привести Вьетнам, который рассматривают в качестве символа национального позора

США: многие ветераны вьетнамской войны уверены в том, что началась она с благими намерениями, поскольку американская администрация объясняла политическую необходимость этой войны опасением перед коммунистическим контролем над странами Юго-Восточной Азии. Вьетнамская война имела для США непредсказуемые последствия, в то время как ветераны Второй мировой войны гордились своими военными подвигами, пользовались уважением со стороны сограждан. В результате более 500 тыс. человек, воевавших во Вьетнаме, погибли в мирное время вследствие самоубийств, психических расстройств, употребления наркотиков и т. д. Не проиграв ни одного сражения, США проиграли войну.

Истории войн неоднократно переписывались (с сожалением можно констатировать, что это же коснулось и Великой Отечественной войны). О вьетнамской войне снимались разные фильмы, сначала обвиняющие американскую администрацию, позднее — пытавшиеся показать ее в патриотическом ключе. Ветераны вьетнамской войны стараются не вспоминать ни о войне, ни о своих подвигах: у них сформировался «вьетнамский синдром».

В российском медиадискурсе с этой точки зрения представляет интерес война в Афганистане: несмотря на оправдание «интернациональным» долгом (термин периода Афганской войны), «афганский синдром» испытывают российские ветераны войны, начавшейся со взятия дворца Амина — попытки СССР сделать вторую Монголию: *«Из Афгана придешь, что делать будешь? — Пить буду. — Ну, это понятно. Неделю попьешь, а потом? — Опять пить буду. — А дальше? — И дальше пить буду. Пока не забуду все это. Потом встану, рожу уму и по-новому жить начну, если получится»*.

С декабря 1979 г. по февраль 1989 г. Советская армия воевала с повстанцами на стороне просоветского режима. Считается, что война в Афганистане была способом замедлить развитие кризиса социализма. В воспоминаниях участников взятия дворца Амина говорится, что они штурмовали его с криками *«За Родину! За Сталина!»*. Поколение бойцов-афганцев воспитано в основном на символах, созданных в годы Великой Отечественной войны, отточенных советской послевоенной пропагандой. Они, как и их родители, попав под влияние объединенных в единое целое различных планов реальности, также не могли интерпретировать смысловые перспективы символов, использовавшихся советской системой идеологиче-

ского моделирования всех сфер жизни граждан Советского Союза, в том числе создания патриотической модели военного дискурса при исполнении интернационального долга. Советские войска вошли в Афганистан, свято веря в свою миссию.

Смена политической парадигмы неизбежно приводит к новому содержательному наполнению денотата лексемы «патриотизм». Характерной чертой, повлиявшей на трансформации во времени содержания медийного дискурса о вьетнамской войне и войне в Афганистане, является то, что он создавался после их окончания. В Америке в первом фильме о войне во Вьетнаме, «Зеленые береты» (1968), была предпринята попытка реалистично рассказать об американском спецназе во Вьетнаме. Позднее стали сниматься фильмы, посвященные проблеме патриотизма, в них ставилась задача оценки действий военнослужащих США: или осуждения, или попытки оправдания («Охотник на оленей», 1978; «Цельно-металлическая оболочка», 1987). Смена президентов, политических векторов в стране и, как следствие, системы общественных ценностей, увеличение временного отрыва от событий вьетнамской войны привели к необходимости создания нарратива о воевавших, погибших, вернувшихся с этой войны гражданах США. У американцев сформировалось разное отношение к войне, и чем больше проходило времени с даты ее окончания, тем меньше ветеранам этой войны хотелось вспоминать ее. В фильмах «Зеленые береты», «Охотник на оленей», «Отвага», «Рэмбо», «Апокалипсис сегодня» и других предпринята попытка показать, через что прошли мобилизованные на эту войну простые американские ребята («Война — это ад»). Режиссеры, используя в качестве фона войну, пытались проникнуть в глубину психики человека, художественными средствами показали, что лишь немногие сохраняли человеческие качества в тех условиях. К 1989 г. в кинематографе появляется образ ветерана, превратившегося в психопата, алкоголика («Рожденный четвертого июля», 1989), но не сдавшегося и присоединившегося к пацифистам. Позднее тема войны и сражавшихся солдат в американском кинематографе серьезно не поднималась, и отношение к ветеранам вьетнамской войны трансформировалось в почет и уважение. «Форрест Гамп» (1994) — один из последних фильмов о Вьетнаме; его главный герой, вероятно, является воплощением современной американской военно-патриотической модели участника вьетнамской войны, пережившей трансформацию во времени, ка-

ким он должен запомниться: не похожий на тех, кто воевал и погибал рядом с ним, не испытывающий тяги к наркотикам, алкоголю, не склонный к суициду, как многие ветераны: «Если в тебя будут стрелять, не геройствуй, а просто беги»; «Однажды начался дождь и не прекращался четыре месяца. За это время мы узнали все виды дождя: прямой дождь, косой дождь, горизонтальный дождь и даже дождь, который идет снизу вверх»; «Больше всего во Вьетнаме мне понравилось то, что там всегда было куда идти». Американский военный кинодискурс, обращаясь к событиям в Афганистане, создает в соответствии со своими традициями героя-одиночку («Рэмбо-3», 1988), который благороден, непобедим, что отражено в репликах героев фильма: «Вы солдат? — Нет. — Наёмник? — Нет. — Не солдат, не наёмник... А кто? Турист?»; «Судя по вашему внешнему виду, у вас совсем нет боевого опыта. Верно? Я угадал? — Случалось чуть-чуть пострелять»; «Эта пещера ведет в Долину пяти львов. Один афганский царь должен был послать в бой пятьсот воинов, но он послал лишь пять-рых. И победил. Он сказал: „Лучше послать в бой пять тигров, чем пятьсот овец“. Что вы об этом думаете? — Что ему повезло». Путем наррации такой солдат становится символом, достойным национальной гордости. «Символ не есть только наименование какой-либо одной частности, он схватывает связь этой частности со множеством других, подчиняя эту связь закону, единому принципу...» [Андрианов 2007: 37]. Архетип героя входит в систему общественно значимых ценностей, ситуативные эмоции, насыщенный экспрессией символ подсказывают не столько определенные поступки, «причем даже когда они для него нежелательны» [Там же: 160], сколько формируют идентифицирующий образ представителя страны.

Российский медийный дискурс попытался осмыслить войну в Афганистане уже после распада СССР, при этом традиционный для российского военного дискурса подход реализуется в создании модели идеализированного военного, патриота, героя, в то же время появляются и современные оттенки. Российский медийный дискурс о войне пытается дать объяснение происходившему, и к этому подходит замечание М. М. Решетникова, касающееся поведения человека на войне в мирное время: «...наряду с реальным героизмом... относительно позитивной атрибутикой войны средневековые пытки и жестокость к пленным... вооруженный разбой и мародерство составляют неотъемлемую часть любой войны и относятся не к

единичным, а к характерным явлениям для любой из воюющих армий, как только она ступает на территорию (особенно — в случае иноязычного) противника» [Решетников 2014]. Образы воинов-интернационалистов и события получают неоднозначную трактовку, показаны человеческие качества воинов («Афганский излом», 1991) и провоцирующие солдат факторы («Груз-300», 1990; моджахеды, американский инструктор): «Эх, Толян, все мы — „груз-300“. Кто в голову, кто в душу... Весь Союз — „груз-300“». В российском медиадискурсе модель воина отличается от американской — героя-одиночки; как правило, она представлена групповым героико-патриотическим символом, напоминающим такого рода символы из кинодискурса о Великой Отечественной войне («Пешеварский вальс», 1994; «9 рота», 2005; «Грозовые ворота», 2006): «Кто такой советский десантник? — Советский десантник — это сила, краса и гордость Вооруженных сил! — Кто такой советский десантник? — Советский десантник — это образец и зависть для всех чмырей и штатских»; «Они что, обкуренные, раз так прут? — А мы тогда кто, раз так стоим? — А мы — русские, нам так положено!»; «На Грозовых воротах в строю остался я один. Продолжать оборону мне не с кем и нечем. Из оставшихся в живых 23 человека я отправил по известному вам маршруту — Почему ты не ушел? Почему ты не ушел вместе с ними? — Куда мне идти? Все мои зеленые пацаны остались здесь. Что мне говорить их матерям? Так что мое место теперь тут»; «Нет у меня никаких настроений! Потери есть, а настроений нет!».

Медийный дискурс 1990-х гг. закладывает военно-патриотическую модель, отличную от советской эпохи: стирается пафос, показана вся неприглядность, жестокость войны, явственно присутствует попытка осмыслить, «чем в реальности оборачивается война как способ решения проблем» («Афганская война», 2009, сериал). Позднее начавшийся в 1990-х гг. чеченский конфликт на территории России лег в основу российского кинодискурса о чеченской войне, несколько изменившего подходы к формированию модели поведения участников войны — на фоне переосмысления и самой войны. С одной стороны, в военно-патриотической модели по-прежнему сохраняется командный дух: несколько человек могут пожертвовать собой ради спасения одного раненого солдата («Живой», 2006), в то же время появляются герои-одиночки — непобедимые физически либо духовно («Марш-бросок», 2003; «Личный номер», 2004).

Анализ американского и российского медийного дискурса конца XX — начала XXI в., посвященного войне, еще раз показывает, что для формирования военно-патриотической модели важную роль играют традиции массовой культуры социума, в который будет встроен данный символ. Американская традиция продолжает символику самоактуализированного непобедимого героя-одиночки. В российской традиции герой наделен безоговорочным патриотизмом, любовью к Родине, независимо от перипетий «мирной жизни» («Получается, дорогой мой, большевики всё делали правильно. Одного только им не хватало. Самого главного. — Любви к народу! Он всегда был для них средством, а не целью. Целью для них была безраздельная власть»; «Полгода мучился, аж зуб крошился, а там пришел фашист — было чем заняться»; «...я без второго слова все понимаю»), что подтверждают и сериалы о Великой Отечественной войне и послевоенном периоде, когда восстанавливалась страна и велась борьба с остатками вражеских банд («Штрафбат», 2004; «Ликвидация», 2007; «Палач», 2014; «Родина», 2015 и др.), снятые уже в XXI в. При этом базовый образ модели узнаваем, лишен патетики: он — типичный россиянин, его личностные структуры не идеальны, его характер имеет достоинства (которые привлекают к нему окружающих, своего рода обаяние) и недостатки (которые можно и хочется простить), как правило, его личностная система ценностей соотносится с социально одобряемыми групповыми ценностями, равно как и ценности микрогруппы, членом которой он является.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Абдурахманов Р. А., Анцупов А. Я., Бархаев Б. П. [и др.]. Военная психология: методология, теория, практика : учеб.-метод. пособие. — М. : Военный университет, 2014. URL: <http://www.psyinst.ru/library.php> (дата обращения: 25.06.2014).
2. Андрианов М. С. Невербальная коммуникация: психология и право. — М. : Ин-т общегуманитарных исследований, 2007.
3. Антонян Ю. М. Особо опасный преступник. — М. : Проспект, 2001.
4. Асмолов А. Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. — М. : Изд-во «Ин-т практической психологии» ; Воронеж : НПО «МО-ДЭК», 2006.
5. Выготский Л. С. Психология искусства. — М. : Педагогика, 1978.
6. Вершинина Т. С., Илюшкина М. Ю. Формирование модели патриотического поведения в военном дискурсе // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 82—91.
7. Гаврилова Т. В. Зависимость психологических стрессовых реакций от общественной значимости события // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. 2005. № 1.

8. Грановская Р. М. Психология веры. 2-е изд., перераб. — СПб. : Питер, 2010. (Сер. «Мастера психологии»).

9. Дадун Р. Фрейд / пер. с фр. Д. Т. Федорова ; предисл. канд. филос. наук. А. М. Руткевича. — М. : Изд-во АО «Х Г С», 1994. С. 169—172.

10. Леонтьев А. Н. Психологическая теория деятельности // Избр. психол. тр. : в 2 т. — М. : Педагогика, 1983. Т. 2. С. 93—250.

11. Решетников М. М. Психопатология героического прошлого и будущее поколения // Artofwar. 2014. URL: [http://artofwar.ru/r/reshetnikow\\_m\\_m/text\\_0010.shtml](http://artofwar.ru/r/reshetnikow_m_m/text_0010.shtml) (дата обращения: 15.11.2014).

12. Робертсон Р. Введение в психологию Юнга. — Ростов н/Д : Феникс, 1999. (Сер. «Психологические этюды»).

13. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / под ред. В. С. Стёпина ; Секция философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН. — М. : Наука, 2007.

14. Россия и СССР в войнах XX века: потери вооруженных сил : статистическое исследование / под общ. ред. канд. воен. наук, проф. АВН генерал-полковника Г. Ф. Кривошеева. — М. : Олма-Пресс, 2001.

15. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. — М. : РОССПЭН, 1999.

16. Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. — М. : Ин-т российской истории РАН, 1997.

17. Lacan, J The Seminars of Jacques Lacan. B. 3: The psychoses, 1955—1956. — New York, 1981. P. 79.

T. S. Vershinina, M. Y. Ilyushkina

Ekaterinburg, Russia

## INFLUENCE OF MEDIA DISCOURSE UPON THE FORMATION OF THE COLLECTIVE MODEL OF PATRIOTIC MOOD

**ABSTRACT.** The article deals with typical interpretations of the military patriotic behavioral model in warfare conditions in the Russian and American military media discourse of the 20th-21st centuries. The aim of the article is to identify the approaches towards military patriotic model formation represented by spoken and visual means of military media discourse. The comparison of speech and behavior of participants of the American and Russian media discourse in warfare conditions devoted to long-term wars of the 20th century within the framework of social and cultural context in different periods of discourse elements formation, gives psychological and linguistic grounds for the structure of perception of such models and helps describe their role in the attitude towards the events and people of that time and their behavioral models. The results of the undertaken research show the effectiveness of the approaches which influence the addressee's perception of the individual importance in war and his typical ethno-cultural structure, forms of patriotism with emphasis on special selection of language means. The described approaches based on historical, comparative, intertextual and transformational methods of analysis can be applied not only in linguistic research, but also in political and sociological studies. It is reasonable to use the above mentioned approaches as patterns for stimulus materials in the work of psychologists, in the preparation of extreme situations specialists, and for critical reconsideration in youth up-bringing. The analyzed military patriotic models are quite topical and the revealed aspects of their formation and functioning throw light on the peculiarities of such methods of spoken and visual influence on the addressee in the context of his national identity.

**KEYWORDS:** media discourse; patriotism; military patriotic model; the Russian language; perception; symbol; historical analysis; comparative analysis; intertextual analysis; transformational analysis.

**ABOUT THE AUTHOR:** Vershinina Tatiana Stanislavovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages, Institute of Social and Political Sciences, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin. Ekaterinburg, Russia.

**ABOUT THE AUTHOR:** Ilyushkina Maria Yurievna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages, Institute of Social and Political Sciences, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin. Ekaterinburg, Russia.

## LITERATURE

1. Abdurakhmanov R. A, Antsupov A. Ya., Barkhaev B. P. [i dr.]. Voennaya psikhologiya: metodologiya, teoriya, praktika : ucheb.-metod. posobie. — М. : Voennyi universitet, 2014. URL: <http://www.psyinst.ru/library.php> (data obrashcheniya: 25.06.2014).

2. Andrianov M. S. Neverbal'naya kommunikatsiya: psikhologiya i pravo. — М. : In-t obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2007.

3. Antonyan Yu. M. Osobo opasnyy prestupnik. — М. : Prospekt, 2001.

4. Asmolov A. G. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya i konstruirovaniye mirov. — М. : Izd-vo «In-t prakticheskoy psikhologii»; Voronezh : NPO «MODEK», 2006.

5. Vygot'skiy L. S. Psikhologiya iskusstva. — М. : Pedagogika, 1978.

6. Vershinina T. S., Ilyushkina M. Yu. Formirovaniye modeli patrioticheskogo povedeniya v voennom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 1 (51). S. 82—91.

7. Gavrilova T. V. Zavisimost' psikhologicheskikh stressovykh reaktsiy ot obshchestvennoy znachimosti sobytiya // Voprosy psikhologii ekstremal'nykh situatsiy. 2005. № 1.

8. Granovskaya R. M. Psikhologiya very. 2-e izd., pererab. — SPb. : Piter, 2010. (Ser. «Mastera psikhologii»).

9. Dadun R. Freyd / per. s fr. D. T. Fedorova ; predisl. kand. filos. nauk. A. M. Rutkevicha. — М. : Izd-vo АО «Kh G S», 1994. S. 169—172.

10. Leont'ev A. N. Psikhologicheskaya teoriya deyatel'nosti // Izbr. psikhol. tr. : v 2 t. — М. : Pedagogika, 1983. Т. 2. S. 93—250.

11. Reshetnikov M. M. Psikhopatologiya geroicheskogo proshlogo i budushchie pokoleniya // Artofwar. 2014. URL: [http://artofwar.ru/r/reshetnikow\\_m\\_m/text\\_0010.shtml](http://artofwar.ru/r/reshetnikow_m_m/text_0010.shtml) (data obrashcheniya: 15.11.2014).

12. Robertson R. Vvedeniye v psikhologiyu Yunga. — Ros-tov n/D : Feniks, 1999. (Ser. «Psikhologicheskie etyudy»).

13. Rossiya v globaliziruyushchemsya mire: mirovozzrencheskie i sotsiokulturnye aspekty / pod red. V. S. Stepina ; Sektsiya filosofii, sotsiologii, psikhologii i prava Otdeleniya obshchestvennykh nauk RAN. — M. : Nauka, 2007.

14. Rossiya i SSSR v voynakh KhKh veka: poteri vooruzhennykh sil : statisticheskoe issledovanie / pod obshch. red. kand. voen. nauk, prof. AVN general-pol'kovnika G. F. Krivosheeva. — M. : Olma-Press, 2001.

15. Senyavskaya E. S. Psikhologiya voyny v XX veke: istoricheskiy opyt Rossii. — M. : ROSSPEN, 1999.

16. Senyavskaya E. S. Chelovek na voyne. Istoriko-psikhologicheskie ocherki. — M. : In-t rossiyskoy istorii RAN, 1997.

17. Lacan, J The Seminars of Jacques Lacan. B. 3: The psychoses, 1955—1956. — New York, 1981. P. 79.

***Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.***